

ТАЙНЫ ЛИДЕРСТВА

Ричард Овери

СТАЛИН И ГИТЛЕР

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8
ОЗ1

Оригинальное издание Richard Overy THE DICTATORS: HITLER'S GERMANY AND STALIN'S RUSSIA печатается с разрешения автора и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd., Andrew Nurnberg

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Овери, Ричард

ОЗ1 Сталин и Гитлер / Ричард Овери; пер. с англ. М.В. Ан. – Москва: Издательство АСТ, 2015.– 719,[1] с.:ил. – (Тайны лидерства).

ISBN 978-5-17-082961-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 0-713-99309-X (англ.)

Адольф Гитлер и Иосиф Сталин. Два правителя-диктатора, стоявших у власти двух столь разных государств. Ими восхищались и их ненавидели, каждого по-своему. Эпоха правления каждого из них – как бы ее ни оценивали – сыграла определяющую роль в дальнейшем развитии Германии и СССР.

Что это были за личности?

Какими были методы их правления?

В чем мораль диктатуры как таковой и к чему она ведет?

На эти и другие наболевшие вопросы отвечает известный британский историк, автор крупных работ по истории Второй мировой войны Ричард Овери.

При сравнении и сопоставлении двух режимов Овери рассматривает степень и характер народной поддержки, очаги противостояния и сопротивления, путь к власти каждого из диктаторов и процесс формирования культа личности и т. д.

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-082961-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 0-713-99309-X (англ.)

© 2004 by Richard Overy

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение: Сравнительный анализ диктатур.	7
Глава 1. Сталин и Гитлер: на пути к власти	14
Глава 2. Искусство управления	66
Глава 3. Культ личности	110
Глава 4. Партийное государство	143
Глава 5. Государство и террор	185
Глава 6. Рождение утопии	223
Глава 7. Мораль диктатуры.	269
Глава 8. Свой–чужой: традиционный вопрос диктатуры	307
Глава 9. Культурные революции	347
Глава 10. Административно-командная экономика	389
Глава 11. Военные исполины.	437
Глава 12. Тотальная война	477
Глава 13. Нации и расы	531
Глава 14. Империя лагерей	579
Заключение. Две диктатуры	617
Библиография	633
Примечания	659

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Февраль 2004

Чтобы завоевать это право, или отстоять его, или расширить, люди объединяются. И тут рождается ужасный, но могучий предрассудок, что в таком объединении во имя расы, Бога, партии, государства – смысл жизни, а не средство. Нет, нет, нет! В человеке, в его скромной особенности, в его праве на эту особенность – единственный, истинный и вечный смысл борьбы за жизнь.

*Василий Гроссман
«Жизнь и судьба»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гитлер и Сталин были частью моей жизни на протяжении долгого времени. Я интеллигентствовал ими, как не по годам развитый ребенок, и был всецело погружен в эту тему и во все, что имело отношение к этим двум диктаторам, на протяжении большей части последних тридцати лет. В бытность свою студентом я пребывал в плену старой школы тоталитаризма, трактовавшей суть диктаторских режимов как способ доминирования психопатической личности путем насаждения всеобщего и всепроникающего страха. Однако и тогда отношение и подходы к анализу двух тиранов были различными. Гитлер всем казался абсолютным чудовищем, тогда как Сталина считали властителем, который был движим необходимостью удержать завоевания революции 1917 года, пусть и жесточайшими методами, которые, как тогда казалось, были оправданы благородными целями строительства советского коммунизма. «Предал ли Сталин революцию?» — так была озаглавлена статья, которая в то время оказалась у меня в руках. Вопрос в заглавии предполагал возможность разных ответов. Между тем никому никогда не приходила мысль задаться вопросом: «Предал ли Гитлер германский народ?» Гитлер был абсолютот, стоящим особняком, вне критики.

Тридцатилетние правления двух диктаторов принято рассматривать совершенно в различном контексте. Не потому, что их простили за те ужасные преступления, которые совершали подвластные им системы в отношении собственных народов и народов других стран, но по причине того, что эти системы не были просто театром одного актера. Долгое время многими осознавалась возможность и актуальность написания истории двух диктаторов в перспективе той глобальной драмы, в которой они занимали центральное место, однако играли не столь большую, а часто и отдаленную роль. Это были огромные и чрезвычайно сложные сообщества, чьи ценности, модели поведения, духовные устремления и характер развития в значительной мере зависели от находившихся в их центре эксцентричных персонажей, представлявшие собой конгломераты из огромного множества различных элементов, движущихся по своим собственным траекториям, имеющих свои особые социально-политические истории, со своими кумирами и злодеями, жертвами и свидетелями. И чем больше мы узнаем о событиях на периферии этой глобальной драмы, тем все более очевидно, что диктаторы добивались своих целей с тем большим успехом, с чем большей готовностью население страны признавало и сотрудничало с ними, открыто одобряло и поддерживало их моральные цели, восхваляя их достижения, или же добивалось того, чтобы, используя все доступные средства, избегать прямого контакта с опасными властями страны. С позиции сегодняшнего дня жизнь и тиранья диктаторов, Гитлера и Сталина, скорее должна стать историей жизни и историей времени либо просто историей двух деспотов на фоне породивших их обществ, историей, не ограничивающейся изображением их всемогущими тиранами, а анализирующей все те процессы, которые обеспечивали целостность и монолитность их режимов.

Научные изыскания последних двадцати лет изменили наше представление как о гитлеровской Германии, так и о Советском Союзе периода сталинской диктатуры, поскольку внимание исследователей в значительной мере фокусировалось на различных сторонах жизнедеятельности государства, общества, культуры, науки и духовной жизни, составляющих саму суть истории как описываемой здесь, так равно и любых других эпох. Произшло это по нескольким причинам и совсем недавно. Открытие архивов бывшего Советского Союза и их доступность привели к лавине российских и западных работ, новаторских, порой спорных, нетривиальных, основанных на большом объеме факти-

ческого материала, которые были просто невысказаны в советское время, когда доступ к информации носил строго дозированный характер. Архивы Третьего рейха в целом были доступны, однако мало кто горел желанием копаться в большей части этого материала по прошествии длительного времени после падения гитлеровского режима. Подавляющее большинство наиболее известных работ, посвященных раннему периоду гитлеровского правления, принадлежит не немецким историкам, однако в последние десять или более лет наблюдался настоящий взрыв новых блестящих исследований, освещающих все аспекты жизни германского общества до- и постгитлеровского периода, авторство которых принадлежит именно германским исследователям, которые теперь не боятся встретиться лицом к лицу с исторической правдой и шокирующими фактами прошлого. Без этих работ предлагаемое исследование двух систем было бы просто невозможным. Даже тема концентрационных лагерей, центральная и столь чувствительная для истории двух систем, получила должное освещение лишь в последние несколько лет, и приводила часто к самым неожиданным результатам. Здесь мне хотелось бы засвидетельствовать мой огромный долг перед всеми авторами, на чьи работы я опирался в моем исследовании для того, чтобы заполнить все те пробелы в сложной головоломке, за которой скрывались фигуры двух диктаторов. Знакомство с самыми новаторскими, побуждающими к размышлению подходами к анализу диктаторов было одним из наиболее приятных стимулов к написанию этой книги.

Должен отметить здесь и многих других авторов, перед которыми я в долгу. Огромное число людей слушали то, как я размышляю над изложенными здесь аргументами, и не в последнюю очередь я имею в виду моих студентов, посещавших курс по сравнительному анализу диктатур, который лег в основу данной книги. Процесс чтения курса был для меня в высшей степени плодотворным, поскольку он обогащал меня новым опытом, и часто, поразмыслив над тем, что писали или говорили мне студенты в аудитории, я менял свои взгляды на предмет. Я также многим обязан своим коллегам, делившимся со мной своими мыслями, иногда соглашаясь со мной, но часто, и к счастью, не соглашаясь с тем, что говорил я. Хочу особо поблагодарить Альберта Акселля, Клаудио Бальдоли, Дэвида Чезарани, Патрисию Клавен, Джилл Коульридж, Ульрике Эрет, Изабель Хайнеманн, Джоффри Хоскинг, Сергея Кудряшова, Люси Лак, Джереми Ноукс, Ингрид Рок, Роберта Сервиса, Леннарта Самуэлссона, Джилл Стефенсон, Элис Тейчова, Микуласа Тейча, Николаса Терри и Адама Туза. Отдельного упоминания заслуживают Ольга Кучеренко и Аглия Снеткова, работавшие для меня над русскоязычными источниками. И наконец, моя огромная благодарность сотрудникам издательства «Пенгвин», Саймону Уиндеру, Хлоэ Кемпбелл, Шарлотте Райдингз и Ричарду Дагуиду, которым временами приходилось переживать напряженные моменты, собирая воедино различные части книги, поступавшие с опозданием.

Ричард Овери
Февраль, 2004

ВВЕДЕНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИКТАТУР

В России и Германии – повсюду, куда бы ни проник тоталитаризм, – людей воспламеняла фанатичная вера, абсолютная безоговорочная уверенность, исключавшая любую возможность критического подхода, свойственного современному человеку... Тоталитарные режимы в России и Германии разрушили защитные валы цивилизации, которые, по предположению тех, кто жил в XIX веке, продолжают существовать.

Ганс Кон. 1949¹

Соблазн сопоставить двух диктаторов – Сталина и Гитлера – очень велик. Общепринятое мнение характеризует их как пару равнозначных друг другу демонов двадцатого века, по разным причинам и разными путями ставших властителями, ответственными за насильственную смерть самого большого количества людей по сравнению с какими бы то ни было другими злодеями в истории человечества. Будучи теми, кем они были, оба выглядят куда более невыгодно по сравнению с другими диктаторами современности и теми, кто правил в прежние времена. Поставив Сталина и Гитлера рядом друг с другом, мы получим компанию двух гигантов современной эпохи, чьи диктаторские режимы столкнулись лоб в лоб в величайшей и самой разорительной из всех войн в истории человечества.

Однако сразу же встают два вопроса: а можно ли их сравнивать? И надо ли их вообще сопоставлять? В своей недавней книге, посвященной кризису двадцатого столетия, Цветан Тодоров дал положительный ответ на оба вопроса, объясняя это тем, что Гитлера и Сталина объединяет общая политическая платформа – тоталитаризм². Этот тезис имеет длинную предысторию. Еще в 50-х годах прошлого столетия, когда по прошествии совсем недолгого времени после победы над Гитлером Запад оказался в жесткой конфронтации с советским коммунизмом, было очевидно, что оба властителя представляют собой «тоталитарных» лидеров, доминировавших в системах, в которых они насаждали жестокую и всеобъемлющую власть над подконтрольным им населением. Западным политологам тогда было просто непостижимо, как западные страны могли нанести поражение одному чудовищному режиму, чтобы столкнуться лицом к лицу с другим, куда более опасным и непоколебимым, чем первый. Однако развитие представлений об идеальной, или типичной, модели тоталитарного режима сглаживало совершенно очевидные различия между системами, причисленными к типу тоталитарных. Сам термин тоталитаризм в конце концов трансформировался в понятие, характеризующее в первую очередь аппарат власти и аппарат репрессий, игнорируя более широкий социальный, культурный и моральный аспекты, которые первоначально подразумевались, когда этот термин впервые прозвучал в Италии в 1920-х годах, в эпоху Муссолини. К 1960-м годам историки в целом отошли от тривиальной идеи тоталитарной системы, предпочтя сфокусироваться на описании ее модели, делая упор на особенностях и специфических чертах конкретной диктатуры в той или иной стране, при этом существенно приуменьшая значение сходств между ними.

С момента краха европейского коммунизма в 1989–1991 годах дискуссии о двух диктатурах получили новое направление. Были разработаны более сложные определения тоталитаризма.

литаризма, одно из которых делало акцент на установлении той степени, до которой системы были движимы позитивными представлениями об исключительной социально-культурной утопии (часто характеризующейся термином «политическая религия»), признавая, однако, тот факт, что действительная социально-политическая практика режимов часто сильно отличалась от утопической картины. Теперь для того, чтобы охарактеризовать диктатуры, нет необходимости полагаться на несовершенную модель тоталитаризма, возникшую в недрах политической науки, так как за последние 12 лет исторические представления о диктаторских режимах как в Германии, так и Советском Союзе сильно изменились благодаря, с одной стороны, разоблачениям в рамках гласности в Советском Союзе и государствах, образовавшихся на его обломках после его распада, а с другой – в результате критических исследований в Германии, проливших свет на многие аспекты гитлеровского режима, до сих пор скрывавшиеся под покровом молчания. Эти исследования дают основание нам с уверенностью утверждать вслед за Тодоровым, что, несмотря на общность тоталитарного облика, две диктаторские системы имели и существенные различия³.

Разоблачения, свидетельствующие о масштабах и преднамеренном характере массовых убийств, совершенных сталинским режимом, сформировали мнение о том, что Сталин ничуть не лучше Гитлера. Статья Алена Безансона, опубликованная во Франции в 1997 году, была озаглавлена: «Нацизм и коммунизм в равной степени преступны». Было высказано предположение о возможности подсчета числа злодеяний, совершенных двумя диктаторами, с целью определить с большей научной точностью, какой из них был большим злодеем, хотя это и не было намерением самого Безансона⁴. У бывших марксистов и их идейных товарищей, нашедших убежище или прибывших в Советский Союз со всех стран мира и открывших, что сталинский режим в действительности построен на крови безвинных людей, а коммунистические идеалы извращены до неузнаваемости, это вызвало шок. Публикация в 1997 году «Черной книги коммунизма» бывшими французскими марксистами продемонстрировала всю глубину осознания левыми деятелями того факта, что основой сталинской диктатуры было ничем не ограниченное преступление⁵. Последние исследования указывают на то, что Сталин, несомненно, был психопатической личностью; анализ мышления Гитлера фокусируется скорее на психопатологии зла⁶. Мнение, неявно подразумевающее тезис о том, что оба диктатора, Гитлер и Сталин, были скроены из одного и того же, залитого кровью материала, во многом затушевало реальные различия между ними. Однако такое сравнение столь же интеллектуально бесплодно, как и более ранние попытки отметить всех диктаторов подряд, без каких-либо различий, одним общим клеймом «тоталитаризма». Сегодня мало кто сомневается в том, что в центре двух диктатур творился ужас, и тем не менее бесполезно и непродуктивно пытаться сопоставлять жестокости и преступные деяния двух режимов лишь с тем, чтобы продемонстрировать, насколько они были схожи, или, наоборот, пытаться путем сравнения статистических данных установить, кто из них был более кровожадным. Задача историков не в том, чтобы доказать, какой из двух людей был большим злодеем или безумцем, а попытаться понять суть тех сильно различающихся исторических процессов и состоянии умов, которые привели обе диктатуры к массовым убийствам столь планетарного масштаба.

Настоящая книга – вклад в развитие такого понимания. Учитывая многочисленные попытки охарактеризовать гитлеровскую и сталинскую диктатуры как модели одного тоталитарного импульса или исходя из общей для них моральной ущербности либо равной степени виновности за чудовищные преступления, имеется на удивление мало литературы, которая предлагала бы прямые исторические, а не полемические сопоставления. Необходимо пояснить, чего нет в предлагаемой книге «Dictators» («Сталин и Гитлер»). В первую очередь эта книга совсем не парная биография, хотя и Гитлер, и Сталин присутствуют почти в каждой ее главе. После того как в 1992 году Алан Баллок опубликовал свою монументальную парную биографию «Параллельные жизни», в которой личные истории двух диктаторов переплетаются, необходимость в написании такой биографии отпала⁷. Теперь мы имеем превосходные реконструкции всех сторон личной жизни обоих персонажей, восстановленные во всех мыслимых деталях⁸. Их жизненные истории стоят

в ряду наиболее тщательно изученных по сравнению с какими бы то ни было другими историческими персонажами. И все же «Сталин и Гитлер» не простое линейное повествовательное изложение истории двух систем. На этот случай имеется множество превосходных публикаций по каждому из наших героев, которые не требуют повторения⁹. Настоящая книга преследует две цели: первая – создать некий эмпирический фундамент, отталкиваясь от которого можно было бы начать дискуссию о том, какие конкретно факторы лежат в основе сходства либо, напротив, различий двух систем; и вторая – написать сравнительную «работающую» историю двух систем, которая бы раскрыла, как именно эти две системы функционировали. Ответ на эти вопросы является ключевым для понимания того, как эти две диктатуры возникли и что обеспечило их жизнеспособность, позволившую каждой из них просуществовать вплоть до самой смерти диктатора.

Некоторые области конвергенции систем очевидны, но от этого различия не становятся менее поразительными. Обе диктатуры возникли в конкретный момент истории и своим рождением в определенной мере обязаны тем историческим силам, которые могут быть вполне сопоставимы. Оба властителя были крайней формой воплощения идеи «сверхличности», истоки которой, как предполагалось, лежат в работах немецкого философа и поэта Фридриха Ницше. Оба демонстрировали очевидное сходство в характере деятельности, в сущности аппарата государственной безопасности, в самом широком использовании лагерей, тотальном контроле над культурной жизнью и построении социальной утопии на горах костей. И это отнюдь не случайные совпадения.

Обе системы были хорошо осведомлены друг о друге и применяли эти знания. В итоге гитлеровский режим развязал войну с целью уничтожения сталинской диктатуры. При этом в сознании обоих диктаторов временами мелькала мысль о том, что могло бы произойти, если бы они, вместо того чтобы воевать, стали сотрудничать друг с другом. «Вместе с немцами мы были бы непобедимы», – как говорят, однажды заметил Сталин¹⁰. В феврале 1945 года, размышляя о тех возможностях выбора, которые у него были в прошлом, Гитлер допускал, что «в духе неумолимого реализма с обеих сторон», он и Сталин «могли бы создать ситуацию, при которой стал бы возможным длительный период согласия...»¹¹. Милостью божьей человечество было избавлено от этого мрачного партнерства, и амбиции обоих деспотов скорее разделяли, а не объединяли их.

Диктатуры не возникали и не функционировали лишь по воле одного человека, какой бы неограниченной ни была их теоретическая база. Тот факт, что диктатуры процветали при широком соучастии всех живущих при них людей, движимых и подогреваемых самыми разными мотивами, от идеалистических представлений до страха, убедительно объясняет, почему эти диктатуры были столь долговечными и творили столь ужасные дела. Это были режимы, пользовавшиеся самой широкой поддержкой масс, при этом они самым широким образом применяли практику предумышленных репрессий. Обеим системам удалось за необычайно короткий исторический период времени преобразовать духовные ценности и социальные устремления своих двух народов. Обе системы носили яркий революционный характер, высвободив колоссальную социальную энергию, которая привела в итоге к чудовищному террору. Взаимоотношения между диктатором и подвластным ему народом имели более сложный и разнонаправленный характер, в основе их был целый комплекс факторов, а не просто необходимость повиновения и террор. Сейчас становится все более очевидным, что каждая диктатура нуждалась в одобрении и сотрудничестве со стороны большинства населения, находившегося под его властью, и что ее выживание зависело не только от страха, который она наводила на людей. Каждой из диктатур удалось утвердить мощное чувство своей собственной легитимности, которое разделялось большинством населения; мы сможем понять это чувство морального превосходства, только если сумеем распутать клубок моральных ухищрений, в которые рядились обе тоталитарные системы.

По мере написания «Сталина и Гитлера» мне становилась все очевидней вся важность непредвзятой реконструкции того мира, в котором протекала деятельность диктатора, какой бы странной и фантастической в своей значительной части эта историческая

реальность ни казалась нам сегодня, спустя шестьдесят лет. Достичь намеченного было бы невозможно без привлечения в свидетели собственных слов самих диктаторов, будь то зафиксированных на бумаге или произнесенных устно. В отношении большинства исторических личностей такое утверждение было бы излишним, однако в случае с Гитлером и Сталиным автор испытывал определенное нежелание цитировать слова людей, чьи дела были красноречивее всяких слов. Произведения Гитлера, как правило, не подвергаются тщательному исследованию, поскольку считаются иррациональными, запутанными и трудночитаемыми. Сталин же всегда воспринимался как интеллектуальный карлик, просто неспособный прибавить что-либо существенное к ортодоксальному марксизму. Однако, вопреки этому мнению, диктатор имел обыкновение высказываться по любому случаю либо много писать, а его заметки касались чрезвычайно широкого спектра вопросов. Оба видели себя фигурами, занимающими свое место на самом широком историческом полотне. Сфера их интересов включала политику, вопросы государственного управления, юриспруденцию, естествознание, культуру, науку, социальное устройство, военную стратегию, технологию, философию и историю. Их идеи были как бы вещью в себе и должны были восприниматься окружающими как таковые, поскольку они оказывали влияние на принятие решений двумя тиранами и формировали их политические предпочтения, которые, в свою очередь и в силу природы власти, влияли на самый широкий круг политиков и представителей власти, все окружение властителей. Обоих диктаторов едва ли можно назвать интеллектуалами, (для них ни один из людей не имеет большого значения, «Они совершенно бесполезны и убыточны», – заметил однажды Гитлер)¹², между тем именно тот и другой определяли параметры политической дискуссии, исключая темы и подходы, которые не вызывали у них одобрения. Таким образом, оба диктатора играли центральную, а не маргинальную роль в формировании идеологии; отсюда столь важной, более того, ключевой, была роль идеологии в формировании диктатур¹³.

Идеи не возникают в вакууме. Ни одна из диктатур не была навязана извне, подобно чуждому порядку вещей, привнесенному неизвестно откуда. Ни та ни другая диктатура не была историческим отклонением, aberrацией, не поддающейся рациональному объяснению, хотя они часто трактуются как некие особые кратковременные периоды истории, не связанные с тем, что было до и после них.

Для того чтобы понять идеологию, политический режим и социальные амбиции, определившие облик каждой из диктатур, необходимо рассмотреть их в определенном контексте. А именно в общеевропейском, с одной стороны, и в более узком – российском и германском – с другой. Последние были продуктом политических, культурных и интеллектуальных сил, ставших единым источником для всей Европы начала двадцатого века. Кроме того, они были, и более непосредственно, продуктом конкретных обществ, чье историческое развитие сыграло столь важную роль в формировании характера и направления развития двух систем.

Общим знаменателем для двух систем стали последствия Первой мировой войны. Ни тот ни другой диктатор не смог бы достичь высшей власти, если бы две самые мощные в мире державы не испытали этого потрясения. Война нанесла колоссальную травму всему европейскому сообществу, но это потрясение было куда более глубоким и более болезненным для Германии и России по сравнению с преуспевающими и политически более стабильными странами Западной Европы и Северной Америки. Сталин был порождением большевистской революции октября семнадцатого года, за каких-то несколько лет изменившей облик монархической России; радикальный национализм Гитлера прозрос из моральных и физических травм побежденной Германии, которые она претерпела после того, как рухнул старый имперский порядок. Оба государства имели много общего. Обе страны фактически потерпели поражение, так как запросили перемирия, более не имея сил продолжать войну. Это поражение в войне открыло в каждом из государств путь для изменения политического ландшафта. Россия за каких-то девять месяцев превратилась из царской империи в коммунистическую республику, Германия же меньше чем за неделю прошла путь от авторитарной империи до парламентской республики. Эти радикальные

изменения спровоцировали массовое политическое насилие и экономический кризис. К 1921 году, после четырех лет гражданской войны, большевики достигли большого успеха, консолидировав контроль над бывшей империей. В отличие от нее Германия пережила два различных революционных движения, одно коммунистическое, другое националистическое; при этом второе было использовано для подавления первого, но затем было само подавлено победоносными войсками союзников, способствовавших утверждению республиканского правительства. Оба государства прошли через период гиперинфляции, полностью разрушившей национальную денежную систему и лишившей собственности тех, кто ею обладал. Уничтожив таким образом буржуазию, в Советском Союзе кризис послужил революционным целям; в Германии же гиперинфляция погубила целое поколение немецких вкладчиков, и именно их негодование стало тем порохом, который впоследствии помог взметнуть вверх гитлеровское знамя национализма¹⁴. Оба государства стали изгоями в глазах всего международного сообщества: Советский Союз потому, что был коммунистическим, а Германия – как ответственная за развязывание войны в 1914 году. Именно это чувство изолированности подтолкнуло оба государства к еще более экстремальным формам революционной политики и в конце концов установлению диктатуры.

Реакция на тектонические сдвиги в политике и обществе, произошедшие вследствие войны, в Германии и Советском Союзе различалась в зависимости от их устройства. Германия была более развитой страной, где две трети населения было занято в промышленности и сфере услуг, с развитым бюрократическим аппаратом, эффективной национальной системой образования и научной репутацией мирового уровня. Россия же была преимущественно аграрной страной, где почти четыре пятых трудоспособного населения было занято в сельском хозяйстве и проживало в деревнях и селах. Хотя не все это население фактически занималось сельскохозяйственным трудом, социальное обеспечение, так же как система образования, по сравнению с остальными европейскими странами были слабо развиты, а региональные различия были выражены намного сильнее как результат значительных вариаций климатических условий, а также имперского характера российской экспансии в Азии в XIX веке. И тем не менее, в некотором отношении определение Германии как «современного» государства по сравнению с «отсталой» Россией представляется несколько преувеличенным. Россия обладала обширным современным бюрократическим аппаратом, имела высокоразвитую культуру (в Германии накануне 1914 года был особенно популярен Достоевский), стремительно развивавшиеся промышленность и торговлю, поставившую ее к 1914 году на пятое место в мировом рейтинге, и небольшой, но высококвалифицированный научный и инженерный сектор, среди достижений которого был первый многоторный тяжелый бомбардировщик, построенный в 1913 году. Что касается политической культуры, разрыв также был не столь велик, как может показаться на первый взгляд. Оба государства были федеральными системами со значительной степенью децентрализации власти; ни то ни другое государство не было в полной мере парламентской системой, хотя русский царь и обладал большими полномочиями, чем кайзер Германии; что здесь важнее, так это то, что ни в одной из двух стран современные политические партии, состоявшие в правительстве, не проявляли той меры политической ответственности, которая бы позволила им быть готовыми к тому, что произошло после войны. Каждое из государств характеризовалось большой поляризацией политических сил, и в каждом из них сформировался язык политического отвержения радикальных недругов империи; в каждой из стран доминировали консервативные элиты, каждая имела политическую полицию, и каждая рассматривала радикальный национализм и марксизм как силы, которые необходимо подавлять и уничтожать. Хотя в России и в Германии в период до 1914 года был развит политический либерализм более западного толка, он не стал серьезной силой ни в одной из них, и вскоре, в 1920-х годах, был сметен с исторической сцены. Если между двумя странами, давшими миру диктатуры, и было что-то общее, так это двойственное отношение к западной модели развития. Находясь под прессом неблагоприятных условий, сложившихся в 1920-х годах, властные политические силы в СССР и в Германии отвернулись от победоносного Запада и взяли более революционный курс.

Ни в одном из рассматриваемых государств диктатура не была ни неизбежностью, ни необходимым развязкой предыдущих исторических событий. Она была скорее постижимым в аспекте политической культуры и моральной перспективы выбором, последовавшим за провалом альтернативных путей исторического развития. Сложившиеся обстоятельства в конечном итоге способствовали установлению диктатур в той же мере, как и амбиции двух их центральных персонажей. Признание того, что оба диктатора были продуктом особых исторических условий, снижает соблазн видеть в них только некую чудовищную историческую цезуру, для изучения которой историкам необходимо препарировать их, пользуясь специальным набором хирургических инструментов.

Структура книги носит повествовательный характер лишь в некотором смысле. Она начинается с описания пути к власти и заканчивается войной и установлением расизма, а материал в промежутке между этими событиями посвящен анализу целого ряда центральных тем, существенных для понимания того, как и почему диктатура функционировала именно так, как это имело место в действительности. Вместе с тем не каждому событию в книге придается равное значение. Вопросы международной политики или описание реального хода военных действий за исключением тех случаев, когда это очевидно необходимо, представлены лишь незначительно. Мы очень кратко останавливались на некоторых общеизвестных драматических событиях, когда они не имели прямого отношения к рассматриваемой теме. Тематический подход имеет одно определенное преимущество. В этом случае оказывается возможным раздвинуть некоторые важные вопросы, которые, как правило, рассматриваются в их единстве. Например, тема «Большого террора» 1937–1938 годов в Советском Союзе состоит из множества отдельных компонентов, имеющих особое происхождение и свою траекторию развития. Когерентный эвфемизм «Большой террор» скорее историческая словесная конфигурация, а не реальность. Террор встречается почти в каждой главе книги как результат гнета многочисленных затруднительных ситуаций, которые вкуче с амбициями приводили к губительному стечению обстоятельств, сложившемуся к середине 1930-х годов. Это же справедливо и в отношении Холокоста. Германский антисемитизм тоже поминается почти в каждой главе, но нити, ведущие к геноциду, – биологизация политики, теория мирового «еврейского заговора», «война против иудо-большевизма», проблемы национального самосознания и идентичности – сходятся в одной точке лишь в конце 1941 года и начале 1942-го, когда в конце концов были приняты кардинальные решения, призванные разрешить накопившиеся проблемы путем систематических массовых убийств. Реальность же скорее представляет собой изломанный рисунок и с точки зрения истории менее ясно очерчена, чем это может показаться при традиционном повествовании о жизни двух диктаторов.

Сравнительная характеристика не означает равнозначности сравниваемых объектов. Поэтому структура каждой главы была построена таким образом, чтобы были ясно обозначены различия между двумя системами, и не только в отношении самоочевидных различий в географическом положении и социальном устройстве, но и в отношении бросающихся в глаза различий в образе мышления, политической практике и институциональном развитии. Так, очевидны различия между двумя личностями: Сталин был помешан на деталях политики и неотступной слежке за своим окружением; Гитлер, напротив, был человеком глобального видения и лишь спорадически, только если его слово имело решающее значение, вмешивался в дела. Мы не намеревались доказать, что оба диктатора были личностями одного плана (что не требует доказательства) либо что модельный тип «диктатора» или «диктатуры» может быть выведен только на основе изучения этих двух примеров.

И, тем не менее, поразителен факт огромного сходства в том, как эти диктатуры функционировали, в способах агитации и привлечения на свою сторону народных масс, сохранения их поддержки, в методах установления репрессивного аппарата и ниспровержения юридической системы, характере эксплуатации и закабаления культуры, насаждения в массах духа милитаризма и жажды тотальной войны. Несмотря на все различия в исторических условиях, структуре и политической перспективе, паттерны соучастия и

сопротивления, террора и консенсуса, социальной организации и социальной амбиции несут отчетливые черты сходства, а в некоторых случаях имеют общие европейские корни. Оба были производными сугубо насильственного, утопического революционного движения, не поддающегося точной политической дефиниции.

Остается еще одно существенное различие между двумя системами, которое нельзя упустить при их сопоставлении. Сталинский режим формально был привержен строительству коммунистической утопии, чем привлек на свою сторону тысячи коммунистов за пределами Советского Союза (их понимание марксизма часто имело мало общего с советской версией и тем более советской действительностью), которые были готовы поддержать его, так как он был враждебен современному капитализму. Гитлер и все национал-социалисты, так же как и многие европейцы за пределами Германии, ненавидели марксизм. Гитлер был непоколебимо привержен идее установления нового европейского порядка, основанного на расовой иерархии и культурном превосходстве германской Европы. Несмотря на сходство обоих диктаторов в отвержении европейского либерализма и гуманизма, в революционных и социальных амбициях, в коллективизме, исключаящем, равно как и дискриминационном, и в той важной роли, которую сыграла наука в формировании их социальных амбиций, идеологии двух государств отчетливо различались, чем, собственно, и объясняется разразившаяся в конце концов война за гегемонию между ними. Советский коммунизм, как теперь оказывается, неловко скроенный, должен стать инструментом прогресса всего человечества, тогда как национал-социализм по самой своей сути был инструментом прогресса лишь исключительных людей.

Эта претензия Советского Союза на социальный прогресс может звучать как откровенное лицемерие в свете разоблачений, говорящих о преступном характере сталинского правления. Социальное развитие при диктатуре Советов носило, как отмечал отправленный в изгнание советский писатель Виктор Серж в своем сатирическом романе о годах правления Сталина, совершенно двусмысленный характер. «Имеется несомненный прогресс при этих варварах, — размышляет один из героев романа Сержа, приговоренный к смерти коммунист, — прогресс при регрессе... Мы все смертники, которым дана отсрочка, но облик земли действительно изменился...»¹⁵. Население обоих диктаторских государств должно было проявить готовность заплатить необходимую цену для того, чтобы политическая свобода, человеческое достоинство и истина стали частью нового общества. Хотя идеологические цели двух диктатур были совершенно различны, обе сошлись в том, что декларируемые ими цели и социальную реальность разделяла пропасть. Ликвидация этого разрыва и была тем процессом, который составил суть самой диктатуры, искажавшей реальность, терроризировавшей тех, кто протестовал. В обоих режимах, Советском Союзе и Германии, эти процессы протекали в тесной взаимосвязи друг с другом; они являются центральными в исследовании диктатуры, им главным образом и посвящена эта книга.

ГЛАВА 1

СТАЛИН И ГИТЛЕР: НА ПУТИ К ВЛАСТИ

Для освобождения людей от многовекового гнета, избавления их от невероятных страданий, успокоения их душ, охваченных тревогой и смятением, взрослых, не зная безопасности, – в один прекрасный день судьба пошлет человека, рожденного во имя этих целей, и он в конце концов добивается того, о чем так долго тосковали люди.

Адольф Гитлер
«Mein Kampf», 1926¹

Весна 1924 года. Пленум Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) собрался 18 мая, за несколько дней до XIII съезда партии. В этот же день вдова Ленина передала Комитету запечатанное письмо, с болью продиктованное ее тяжелобольным мужем в 1922 году. Было сделано пять копий этого письма, каждая из которых была запечатана сургучной печатью. Ленин просил свою жену передать это письмо следующему съезду партии, так как не мог из-за болезни сам обратиться к делегатам. Но она задержала письмо до того, как он умер годом позже, 21 января 1924 года. Письмо содержало политическое завещание Ленина. Оно было вскрыто, прочитано и обсуждено Центральным комитетом. Завещание запомнилось прежде всего тем, что в нем упоминался Сталин: «Товарищ Сталин, став Генеральным секретарем [в апреле 1922 года], сконцентрировал в своих руках неограниченную власть, и я не убежден, что он сможет использовать ее должным образом»². Сталин знал содержание этого письма до того, как оно было вскрыто; одна из секретарш Ленина, обеспокоенная возможными последствиями этого завещания, показала его Сталину сразу же после того, как Ленин закончил его диктовать. После ознакомления с этим письмом горсткой руководителей партии Сталин издал жесткий приказ помощнику Ленина сжечь его, не зная, что остальные четыре копии письма уже хранились в сейфе³. Что Сталину не было из-

вестно, так это то, что Ленин продиктовал несколькими днями позже приложение к письму, которое могло погубить его политическую карьеру. Разгневанный грубостью Сталина и его высокомерием, он советовал партии «изыскать способы перевести его» и заменить его кем-то «более терпимым» и «менее капризным»⁴.

Предложение Ленина, объявленное так скоро после его смерти и которое могло бы иметь огромное значение для верных членов партии, не было поставлено на повестку дня съезда. Его обсуждали на закрытом заседании Центрального комитета. Один из участников этого заседания впоследствии вспоминал Сталина, сидевшего на ступенях трибуны, когда зачитывали завещание, и как он выглядел «маленьким и жалким»; хотя при этом его выражение лица внешне было спокойным, «было хорошо заметно по его лицу, что решается его судьба»⁵. Григорий Зиновьев, которого поддержал председатель комитета Лев Каменев, сидевший за столом на месте Ленина, предложили не рассматривать письмо на основании того, что Ленин не вполне осознавал себя, когда писал его. Сталин, как утверждают, предложил свою отставку с занимаемого поста, но это предложение не было принято его соратниками по партийному руководству. На съезде была сделана оговорка, чтобы побудить Сталина к тому, чтобы он принял замечание Ленина всерьез и изменил поведение в сторону большего соответствия своему положению. Сталина спасла не только продемонстрированная им показная скромность, но и перипетии борьбы, начавшейся после смерти Ленина в руководстве партии. Среди очевидных наследников вождя напрочь исчезли остатки прежнего пиетета. Зиновьев и Каменев не хотели, чтобы ленинскую мантию унаследовал пламенный и одаренный комиссар обороны Лев Троцкий. Поддержав Сталина, они рассчитывали получить себе союзника в борьбе с соперником. Вопрос, могла ли недружелюбная реакция со стороны Центрального комитета и съезда после прочтения письма Ленина лишить Сталина поста, остается открытым, однако нет сомнений в том, что решение проигнорировать последнюю просьбу Ленина дало Сталину счастливую политическую отсрочку, которой он воспользовался сполна. Двенадцатью годами позже Зиновьев и Каменев были расстреляны по приговору первого большого сталинского показательного процесса⁶.

Этой же весной 1924 года в Германии, на судебных слушаниях, состоявшихся в невзрачной классной комнате пехотной школы, выстроенной из красного кирпича в пригороде Мюнхена, Адольф Гитлер ожидал своей судьбы после неудавшегося мятежа в прошлом ноябре против баварского правительства. Путч 9 ноября должен был стать прелюдией к грандиозному «маршу на Берлин» с целью свержения республики и захвата государственной власти. Попытка переворота была подавлена градом полицейских пуль. На следующий день, укрывшись в одном доме, Гитлер угрожал застрелиться, но был обезоружен хозяйкой дома,